

Весна в Имперском городе всегда наступала позже по сравнению с цветущими пейзажами юга. После осмотра камелий во дворце Гуаньчэнь круизное судно вернулось в столицу, как раз вовремя, чтобы увидеть позднее цветение вишен и магнолий. Улицы и города утопали в цветах; это зрелище несказанно радовало глаз.

И все же, каким бы прекрасным ни был весенний пейзаж, чувства Фэн Цзю не могли перерасти в великодушное состояние. С тех пор как она вернулась в королевский дворец, она постоянно держалась за закрытыми дверями, задаваясь вопросом, как ее сестры Цзюйно и Чанди собираются выбраться из этой передраги. Чанди вела с ней войну в клетке Цзюцуй, а затем, даже не дав ей передышки, Цзюйно пришла, чтобы скормить ей дозу любовного наркотика.

За всю ее жизнь это был первый случай, когда она снова и снова становилась жертвой других; это нанесло некоторый удар ее гордости.

Шанцзюнь поместил обеих принцесс под домашний арест. Он не сказал, что накажет их, и не сказал, что не накажет. Принимая во внимание привязанность Шанцзюня к Чанди, Фэн Цзю полагала, что этот вопрос будет решен через несколько дней. Но, очевидно, особо радикальных мер не предвидится, и поэтому она ждала, когда их освободят.

Она выполняла это намерение всем телом и душой, и жадно считала на пальцах каждый день, пока ее ожидание, увы, не оказалось напрасным.

Двадцать седьмого марта из дворца пришло сообщение о том, что принцесса Цзюйно не соблюдала правил дворца, совершила прелюбодеяние и родила незаконнорожденного ребенка. Она сильно опозорила императорскую семью и была приговорена к обезглавливанию; ее бессмертное имя навсегда удалят из книги заслуг, и вскоре ее казнят.

Что же касается Чанди, официального заявления еще не было, но неясные шепотки из-за занавесок поведали, что несколько дней назад принцесса Чанди разбила любимую лампу Шанцзюня, и ее должны были сослать на пустынную границу, чтобы она поразмыслила над своим грехом.

Фэн Цзю была несколько ошарашена, когда услышала эту новость.

Беременность вне брака... и все же ребенок в утробе матери, казалось, пользовался благосклонностью короля и королевы. Сначала она сомневалась, задаваясь вопросом, возможно ли, что народ Бийняо был более широк в своих взглядах, чем их собственный в Цинцю. Расспросив Су Мое, она узнала, что зачатый Цзюйно ребенок не был обычным ребенком, и он, возможно, будет следующим архимагом клана. На протяжении истории все верховные маги рождались от незамужних дев, которые оплодотворялись через поглощение божественной сущности. Вот почему, несмотря на то, что она носила внебрачного ребенка, Цзюйно могла спокойно щеголять вокруг и даже умудрилась пригласить Сицзэ покинуть горы, чтобы позаботиться о ней. Фэн Цзю все еще помнила тот день, когда она сокрушалась, как Цзюйно повезло. Однако сейчас пошли разговоры, что ее нерожденный ребенок был результатом интрижки.

Прежде чем она успела послать людей навести справки, Чача привела в комнату Су Мое.

С тех пор как случился инцидент с любовными чарами, Мо Шао редко оставался с ней наедине, чтобы избежать ненужных слухов. И раз сегодня он пришел так неожиданно, значит, дело было неотложным.

И действительно, Мо Шао был не так спокоен, как обычно. Он не стал по своему обыкновению ходить вокруг да около и, откашлявшись с теплым чаем в руках, сразу перешел к делу: «В прошлом месяце я сказал тебе, что есть несколько важных событий, которые предрешили конец Араньи, и что мне нужно, чтобы ты сделала тот же выбор, что и она. Ты все еще помнишь эти слова?»

Фэн Цзю кивнула.

Мо Шао был задумчив: «Первое событие скоро произойдет».

Фэн Цзю прочистила горло, чтобы немного приободриться.

- Возможно, тебе это не понравится, - сказал Мо Шао, нахмутив брови, - но сейчас мы должны взглянуть на общую картину. - Он посмотрел на нее и понизил голос. - Спаси Цзюйно.

Фэн Цзю уставилась на него широко раскрытыми глазами.

На самом деле характер Фэн Цзю был еще сильнее, чем у Цзюйно. Если вы будете относиться к ней уважительно хотя бы на четверть, она будет уважать вас в десять раз больше. Если вы отнесетесь к ней с некоторой долей презрения, хотя и не в десять раз больше, она определенно отплатит вам тем же.

Всегда стремясь к добродетели, девятихвостые лисы царства Цинцю никогда не были терпимы к темным делишкам и не прощали предательства. Однако они явно не платили добром за зло, подобное этому.

Мо Шао всегда был самым умным человеком в Западном море и одним из лучших стратегов среди своих бессмертных соратников. Он прекрасно понимал, что этот мир действует в соответствии с прошлым. Казнь Цзюйно на эшафоте по приказу Шанцзюня была лишь вопросом времени. Он умно рассудил, что королева ранее вела себя неподобающим образом, оставив дочь без всяких рычагов воздействия, что привело к разоблачению беременности Цзюйно. Принимая это во внимание, он решил оставить Фэн Цзю достаточно времени, чтобы сначала разрешить ее личную вражду с Цзюйно и Чанди. Потом, когда Цзюйно поведут на эшафот, он попросит Фэн Цзю сдержать обещание и спасти ее. С ее добродушно-веселым характером все должно было пойти по плану.

Однако, несмотря на сотни и тысячи подсчетов, Мо Шао не принял во внимание Дун Хуа

Дицзюня.

В прошлом беременность Цзюйно была раскрыта 17 апреля, но сообщение из дворца на этот раз пришло на двадцать дней раньше. В этот момент в его голове мелькнула мысль. В маленькой кухне Дицзюнь безмятежно упомянул ему что-то об аккуратности.

Теперь, когда прошло время, он, наконец, понял, что имел в виду Дицзюнь, говоря об аккуратности.

Дицзюнь, должно быть, уже знал эту тайну королевской семьи Бийняо.

В этом огромном мире всегда существовала борьба за власть, были женщины, были споры, а значит, были и тайны. В каждой монархии всегда были какие-то секреты, подобные этому, и в секрете клана Бийняо не было ничего нового. Все сводилось только к двум важным вещам: власти и женщинам.

Это запутанное прошлое было на самом деле довольно простым. Легенды гласят, что нынешний Шанцзюнь, Сянли Цюэ, узурпировал трон своего брата. Его любимая королева, госпожа Цинхуа, была не кем иным, как его невесткой, которую он отобрал у своего старшего брата.

По рассказам, которые передавались из уст в уста, госпожа Цинхуа была верна мужу в тот год. Сначала она хотела последовать за своим мужем и в смерти, но так как она была беременна Цзюйно, одурманенный любовью, Сянли Цюэ пообещал, что позволит ей сохранить кровь от крови своего брата, если она будет жить. Цинхуа родила Цзюйно, как и хотела, и вырастила ее, как драгоценное сокровище. Потом она родила Аранью, которая была плотью и кровью Сянли Цюэ. Но из-за того, что в те дни она ненавидела Сянли Цюэ, она лично бросила новорожденного ребенка в змеиную яму, как только та вышла из материнской утробы. Это и стало началом печальной судьбы Араньи.

Держать Цзюйно при себе было неохотной тактикой, которую Сянли Цюэ использовал в тот год в качестве последнего средства. Чем больше он видел, как хорошеет и умнеет дитя у него на глазах, тем больше росла заноза в его сердце. Вскоре Сянли Цюэ решил избавиться от нее. К несчастью, госпожа Цинхуа слишком тщательно оберегала своего ребенка.

Цзюйно также была виновата в том, что завела незаконные отношения с ее учителем письма и зачала от него ребенка. У клана Бийняо был уникальный свод законов; зачать ребенка было очень тяжело, а еще труднее было прервать нежеланную беременность; маленькая ошибка могла стоить жизни. Аборт означал смерть, позволить Сянли Цюэ узнать – тоже значило смерть. Чтобы защитить единственную дочь своего бывшего мужа, после долгих раздумий у госпожи Цинхуа не осталось другого выбора, кроме как выдумать эту вопиющую ложь.

Су Мое вздохнул. Такие вещи действительно случались в прошлом; как бы плотно ни был закрыт деревянный ящик, поток воздуха все равно мог проникнуть в него. Если Дицзюнь захочет узнать что-то, имеющее форму и тень, способ всегда отыщется.

С любимым занятием вроде посадки деревьев и бросания удочки, Дицзюнь, казалось, не обращал внимания на мирские дела. Тем не менее, он слышал, что Владыка Вселенной когда-то держал шесть миров в железных рукавицах, и, естественно, не верил, что, попав в это место, Дицзюнь не станет задавать вопросов о причинах и следствиях.

Знать все, ничего не видя, знать конец, видя только начало, - таковы были способности Владыки Дун Хуа. В тот день Дицзюнь почти ничего не говорил на маленькой кухне, но, вероятно, уже предвидел сегодняшний исход.

Су Мое рассеянно уставился на чашку с зеленым чаем. Цзюйно не может умереть; если она умрет, то как эту оперу будут исполнять в будущем? Поскольку именно Дицзюнь руководил парадом и маячил делом Цзюйно перед глазами Шанцзюня, именно Дицзюнь хотел наказать Цзюйно, используя клинок Сянли Цюэ. Тогда не означает ли это, что тот, кто придет и спасет Цзюйно, станет врагом Дун Хуа?

Как бы то ни было, неудивительно, что ему все еще приходилось полагаться на Фэн Цзю.

Когда Мо Шао очнулся от своих мыслей, он увидел Фэн Цзю, которая сидела и смотрела на него, нахмутив брови.

Она озадаченно спросила: «Хотя Аранья не доставляла столько хлопот, как я, разве она не была в ссоре с Цзюйно в прошлом? Зачем ей спасать жизнь Цзюйно на этом повороте судьбы? Я не совсем понимаю ее логику. Если ты сможешь убедить меня сегодня, я сделаю все, что ты скажешь, но если ты не сможешь убедить меня, мне придется хорошенько подумать».

Мо Шао был рад, что она понимала, что причиняет неприятности. Он пододвинул табурет, чтобы сесть, отхлебнул полчашки чая и продолжил с видом рассказчика: «Тот, кого Аранья хотела спасти, была не Цзюйно, а скорее Чэнь Е». Затем он спросил ее: «Ты много знаешь об Аранье и Чэнь Е?»

Фэн Цзю подняла мизинец, указывая большим пальцем на его кончик, чтобы показать Мо Шао: «Вот столечко».

Мо Шао взял чашку и после долгого молчания сказал: «Тогда я расскажу тебе еще кое-что».

<http://tl.rulate.ru/book/32932/772848>